

**Из истории названий небесных светил
в миноритарных иранских языках
Памиро-Гиндукушского ареала**

Джой Иосифовна Эдельман

Институт языкознания РАН

Москва, Россия

joy.edelman@gmail.com

Названия небесных светил в языках Памиро-Гиндукушского ареала этимологически неоднородны. Их различия не случайны: они являются свидетельствами определенных социальных и культурных явлений и процессов в истории народов, населяющих ареал. В статье рассматривается история компонентов этой ареальной лексической группы.

Выявлены этимологически отличные названия Солнца, происхождение которых объясняется мировоззренческими традициями местного населения, уходящими в глубокую древность, когда Солнце было и светилом, и верховным божеством, что в результате дало в одних языках продолжения праиранского названия Солнца, а в других было вытеснено именами божеств, которые почитались в определенную эпоху: вначале именем индоиранского божества Митры, позднее именем верховного божества зороастрийцев Ахура Мазды. В вымерших литературных языках Средневековья наблюдаются выражения, свидетельствующие об обожевлении Луны, которые не отмечены в малых языках данного ареала. Названия звезды в языках данного ареала восходят к единому праиранскому корню, продолжающему и.-е. *stēr- ‘звезда’. Другой иранский термин, употребляемый для обозначения ‘звезды’, выступающий также в значениях ‘зодиакальное созвездие, знак зодиака и пр.’, и восходящий к варианту и.-е. ‘ночь’ — *nokʷt-, *n̥kʷter- — засвидетельствован главным образом в памятниках Средневековья: среднеперсидских, парфянских, а также в текстах на классическом персидском языке, в древнеиранских текстах в виде самостоятельного слова он не зарегистрирован. При этом ваханский язык, один из миноритар-

ных языков Памиро-Гиндукушского ареала, — единственный из живых иранских языков, сохранивший рефлексы данной индоевропейской основы, хотя и другого ее варианта.

Рассмотренные случаи своеобразия в истории названий небесных светил в языках Памиро-Гиндукушского ареала состоят в лексических заменах, в необычных словообразовательных моделях, семантических сдвигах и сохранении рефлекса глубокого индоиранского архаизма.

Ключевые слова: небесные светила, ареальная лингвистика, лексика, этимология, Памиро-Гиндукушский ареал

Для цитирования: Эдельман Дж. И. Из истории названий небесных светил в миноритарных иранских языках Памиро-Гиндукушского ареала. *Родной язык*, 2023, 1: 31–43.

DOI: 10.37892/2313-5816-2023-1-31-43

The designations of heavenly bodies in the minority Iranian languages of the Pamir-Hindu Kush area

Joy Iosifovna Edelman

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

[*joy.edelman@gmail.com*](mailto:joy.edelman@gmail.com)

The names of celestial bodies in the languages of the Pamir-Hindu Kush area are etymologically heterogeneous. The differences are not accidental: they are evidence of social and cultural phenomena and processes in the history of the peoples inhabiting the area. The present article examines some of the history of this areal lexical group.

The article identifies etymologically different designations for the Sun that stem from the worldview traditions of the local population. These date back to ancient times, when the Sun was believed to be both a celestial body and a supreme deity. The Proto-Iranian name for the Sun saw continued use in some languages, but was replaced in others by the names of deities revered in particular eras: at first this was the Indo-Iranian deity Mithra, and later the supreme deity of the Zoroastrians, Ahura Mazda. In the extinct literary languages of the Middle Ages, there

are expressions testifying to the deification of the Moon which are not noted in the minority languages of this area. The name for 'star' in the languages of the area is derived from a single Proto-Iranian root which can be traced back to the IE **stēr-* 'star'. Another Iranian term used to designate 'star', appearing also with the meanings 'zodiac constellation, zodiac sign, etc.' and deriving from the IE variant for 'night' — **nokʷt*, **ŋkʷter-* — is attested mainly in medieval Middle Persian and Parthian documents, as well as in texts in classical Persian; in Old Iranian texts it is not documented as an independent word. In this regard, Wakhi, one of the minority languages of the Pamir-Hindu Kush area, is the only living Iranian language to have retained reflexes of this Indo-European base, although of its other variant.

The Pamir-Hindu Kush names of celestial bodies examined in this article exhibit originality thanks to lexical substitutions, unusual word-formation models, semantic shifts and the preservation of a deep Indo-Iranian archaic reflex.

Keywords: celestial bodies, areal linguistics, vocabulary, etymology, Pamir-Hindu Kush area

For citation: Edelman J. I. The designations of heavenly bodies in the minority Iranian languages of the Pamir-Hindu Kush area. *Rodnoy yazyk*, 2023, 1: 31–43.

DOI: 10.37892/2313-5816-2023-1-31-43

А. Названия Солнца.

Как известно, в большинстве иранских языков в качестве обозначения «Солнца как светила» распространены рефлексy исконого праиранского названия Солнца: это варианты основы **h(u)ṣar-* / **h(u)ṣan-* > **xʰar-* / *xʰan-* : *hūr-* / *hūn-* из арийских **s(u)ṣar-* : *sūr-* / *s(u)ṣan-* : *sūn-* 'солнце (как светило); Солнце (как божество)', восходящих в конечном счете к индоевропейским **suṣél-*, *suél-*, *sūl-* / **sṣen-* : *sun-* 'Солнце' [Рок. IEW: 881–882]. К этой основе восходят например, авест. *hvar-*, *xʰan-* 1) 'солнце (как светило), солнечный свет'; 2) 'Солнце (как имя божества)'; кл. перс. *xʰar*, *xōr* 'солнце', согд. будд. *ywr*, *ywyr*, согд. ман., хр. *xwr* [*xūr*, *xōr*], осет. *xūr* / *xor* 'солнце' и др. Продолжения этого имени

наблюдаются и в рассматриваемом ареале: язык пашто зап. *lmar, almar*, пашто вост. *ntar, nwar*, шугн. *xīr*, руш., хуф. *xor*, барт. *xōr*, сар. *xer*, язг. *xəwīr*, вах. *(y)ir* ‘солнце’ и т. п., подробнее [ЭСИЯ 3: 438–443].

Вместе с тем в части языков ареала наблюдаются этимологически отличные названия Солнца, происхождение которых можно объяснить мировоззренческими традициями местного населения, уходящими в глубокую древность. Предположительно у населения данного ареала господствовало поклонение некоему солярному божеству, то есть Солнце было для людей не только светилом, но и верховным божеством (возможно, еще до прихода сюда носителей индоевропейских диалектов). Поэтому продолжения праиранского названия Солнца (как светила и божества) в дальнейшем могли быть вытеснены — и вытеснялись — именем того верховного божества, которое почиталось в определенной эпоху.

Вначале это было имя индоиранского божества Митры (**mitra-*), распространившееся в значении ‘Солнце’ практически по всему ираноязычному пространству, что наблюдается в иранских языках разных генетических групп и ареалов. При этом в западноиранских языках этимологические продолжения имени Митры выступают в роли обозначение и божества, и светила; а также используются в образовании календарных терминов (то есть в названиях дней, периодов времени). В восточноиранских языках в продолжениях этого имени значение ‘Солнце (как светило)’ более распространено и устойчиво, причем особенно это характерно для живых и вымерших восточноиранских языков Центральной Азии, включая малые бесписьменные языки и диалекты Памиро-Гиндукушского ареала: пашто диал. *tuēr*, ванеци *mīr* ‘солнце’; мунджанский *mīra, mīro*, верхний говор *mīrā* ‘солнце’; йидга *mīra, mīra* ‘солнце’. То же значение ‘солнце’ выступает здесь в композитах разновременного образования: в вымершем бактрийском языке *μpоасаво, μpоасаво* ‘восток’ < **miθrā-sāna-* ‘восход солнца’, букв. ‘солнца восход’ (ср. ср.-перс.

xwarāsān ‘восход солнца, восток’ с рефлексом основы **x^var-*); бактр. *μιροναφραво*, *μιροναφραво* ‘запад’ < **miθra-niθrāna-* ‘закат солнца’, букв. ‘солнца заход’ (ср. парф. *hwṛnyfr’n* ‘закат солнца, запад’ с рефлексом основы **h(u)uar-*) и др. Это же значение прослеживается в живых малых бесписьменных языках, например мунджанский *mirāvāy* ‘закат солнца’, *mirōw* ‘восход солнца’.

Продолжения имени Митра в значении ‘Солнце’ использовалось и в образных обозначениях радуги: йидга *mīra-avlasto* ‘радуга’, букв. ‘солнца рукав’, *mīra-lamdo* ‘радуга’, букв. ‘солнца пола, подол’. Подробнее о рефлексах **mit-ra-* при обозначении Солнца см. [ЭСИЯ 5: 369–370].

Более позднее отождествление Солнца с верховным божеством происходило в эпоху после реформы Заратуштры (Зороастра), оно выявляется в замене праиранского названия **h(u)uar-* / **h(u)uan-* > **x^var-* и т. п. ‘солнце’ именем верховного божества зороастрийцев Ахура Мазды. (**ahura-* + **mazdā(h)* — Ахурамазда, Ормузд, букв. ‘Благая мысль’ или ‘Господь Мудрый’, см. авест. *Ahura.Mazdāh*). Следы последнего характерны для относительно узкого ареала языков Центральной Азии: в вымерших языках: в хотаносакском *urtaysde* ‘солнце’, хорезмийском *rēmažd*; в малых живых бесписьменных языках Памиро-Гиндукушского ареала: ишкашимском *retūzd*, сагличском *ormōzd*, зебаки *ōrmōzd* ‘солнце’. Подробнее об этих названиях см. [ЭСИЯ 1: 101–102; ЭСИЯ 5: 302–304; Эдельман 2021: 240–241].

Б. Названия Луны

Названия Луны в языках данного ареала восходят к праиранской основе **māh(a)-* / **mās-*, **mānh(a)-* ‘луна, месяц (светило); месяц (период времени)’ и к древнеиранским производным от ее вариантов. Варианты праиранской основы продолжают арийские **mās-*, **māsa-*, **māns-*, восходящие к индоевропейским вариантам **mēs-*, **mēnes*, **mēns-* от основы **mēnōt-* ‘луна, месяц (светило); месяц (период времени)’, производной, в свою очередь, от корня и.-е. **mē-* ‘мерить, измерять’ [Рок. IEW: 731–732].

В иранских языках разных ареалов наиболее распространены продолжения варианта **māh(a)*:-

Ав.г., п. *māh*- ‘луна; месяц (светило); Луна как божество’ — ном. ед. ч. ав.п. *mā* (в ритмических текстах — двухсложное слово); др.-перс. *māh*-, *māha*- ‘луна; месяц (период времени)’; мид. **māh*- в производных словах, зафиксированных в побочных источниках.

Та же основа продолжена в более поздних западно-иранских языках: ср.-перс. *māh* ‘луна; месяц’; кл. перс. *māh* (в стихотворных текстах при сокращении также *mah*), дари *māh*, тадж. *moh* (в диалектах также *mah*, *ma*-, особенно в первой части композита) ‘луна; месяц (светило); месяц (период времени)’ и т. д.

В восточноиранских языках Памиро-Гиндукушского ареала рефлексy этой основы встречаются как в непосредственных заимствованиях из персидского, таджикского, дари, например: шугн. *mō* ‘луна, месяц’, язг. *mo*, мдж. *mō/o* ‘месяц (период времени)’, сгл. *mā* ‘луна; месяц (период времени)’ и др., так и в собственной лексике, но при возможном семантическом и фонетическом влиянии западно-иранских языков, например йд. *tux*, вах. *тыу* ‘месяц (период времени)’ и др.; то же — в вымершем бактрийском языке: *мао*, *маво* ‘месяц (период времени)’.

Производная основа **mās-ti*- — раннее (возможно, арийское) суффиксальное образование, свойственное рассматриваемому ареалу в древности; ее продолжения: пшт. *myāst*, *myāst* ‘луна; месяц (период времени)’, в литературном языке также *myāšt* 1) ‘луна; месяц (период времени)’; 2) ‘новолуние’; шугн. *mēst* ‘луна, месяц; месяц (период времени)’; руш., хуф. *mēst*, барт., рош. *mōst*; сар. *most*; язг. *mast* ‘луна, месяц; месяц (период времени)’; хс. *māšta*, *māstä* — с тем же кругом значений.

Вариант **māh(a)-ka*- — возможно позднее образование, к которому могут быть возведены производные названия: пар. *mahōk* ‘луна’ и вах. зап. *tak* ‘луна; месяц’ (этимология которого дискуссионна, см. ниже).

В Памиро-Гиндукушском ареале распространены также слова, восходящие к древним композитам с эпитетами и определениями луны, лунного света.

Интерес представляет, в частности, древняя основа **uš-māha(-ka)*- ‘светящая луна, лунный свет’ (с первым компонентом — основой с нулевой ступенью огласовки от праиранского **ucah-*: *uš-* < и.-е. **uces-*, **ces-*: **aus-*: **us-* ‘светить(-ся), сиять’, см. [Эд. СГВЯ-Ф: 114–115; ЭСИЯ 1: 266]). Примеры: пшт. *ožt* м.р., устар. ‘луна’ (< **uš-mah(a)-*), пшт. *ož-tāu*, *užtāu*, *wəžtāu* ж.р. ‘луна, лунный свет’ (< **uš-māh-ika-*) и вторичное пшт. *wižtakāu* ж.р. ‘лунный свет, сияние луны’ (< **uš-māh-ika-* + вторичный суффикс *-*ka*). Аналогично происхождение мдж. нижн. *yūtmāyeka*, верхн. *yūtmāgikā*, мдж. *yutagā*; йд. *itogo*, *itoyō* ‘луна’; ишк. *l̥mīk* (Зар. *l̥i/ōmīk*) ‘луна’; сгл. *wulmēk*, *wulmī/ik*, зеб. *ilmēk* ‘луна’.

Начальные компоненты в этих именах Г. Моргенштерне возводил к прототипам **ucaš-*: **uχš-*, т. е. к основе наст. вр. глагола ‘расти’, реконструируя семантику древнего прототипа имен ‘растущая луна’: йидга *itogo*, *itoyō* — к **uχš-māh(-kā-)*, сгл. *wulmēk*, *wulmī/ik* — к **uχšmāhyaka-*, пшт. *ožt* — к **waxš(y)a-* ‘растущий’ [Morg. IIFL II: 190, 419].

Однако, как показывает историческая фонетика, в языках пашто, йидга, мунджанском, сангличском, ишкашимском и зебакском начальные компоненты продолжают прототипы с согласной *-*š-*, а не с группой *-*χš-*, ср. закономерные отражения *-*š-* в виде пшт. *ž*, мдж. *y*, сгл., ишк. *l* и т. д., притом, что группа *-*χš-* в этих языках отражается иначе (подробнее см. [Эд. СГВЯ-Ф: 108–109, 114–117]). Таким образом, в словах этого ряда на первый план выходит оттенок значения луны не столько как небесного тела, сколько как лунного света.

Ср. обозначения Луны и лунного света в западно-иранских языках другими средствами: кл. перс. *māhtāb*, *māhtāb* ‘лунный свет; Луна (светило)’ (*tāb* ‘свет’); перс. *māhtāb* ‘лунный свет, лунное сияние’; тадж. *mohtób*, *mahtób* 1) ‘лунный свет; лунный (о ночи)’; 2) ‘Луна’ (и вторичные *mohtobí* ‘освещенный луной, лунный’, *mahtobí* ‘лунный,

лунного цвета, матовый' и др.). В языках Памиро-Гиндукушского ареала композиты этого типа встречаются как заимствования из таджикского языка: зеб., ишк. *matow*, *matob* 'луна, лунный свет'.

Интересно выражение обожествления Луны в вымерших литературных языках Средневековья:

согд. будд. *m'uw βyuu* [*māxi βayī*], согд. ман. *m'xβyuu* [*māx-βay*] 'божество луны', букв. 'Луна-Бог' (этимологию **baga-* 'Бог' см. в статье **bag-* 'наделять, распределять, дарить и т. п.' [ЭСИЯ 2: 48–49]);

ср.-перс. ман. *māhyazd* {*m'hyzd*} 'луна', букв. 'Луна-Бог' (этимологию *yazd* см. в статье **īaz-* : *īz-* 'поклоняться, почитать и т. п.' [ЭСИЯ 4: 120–121]).

В малых языках интересующего нас ареала эти названия не отмечены. Подробнее о названиях Луны см. [ЭСИЯ 5: 338–344].

В. Названия звезд и созвездий

Названия звезды в языках данного ареала восходят к единому для всех иранских языков праиранскому корню **stār-*, продолжающему арийск. **stār-* и восходящему в конечном счете к и.-е. **stēř-* 'звезда' [Pok. IEW: 1027–1028].

Здесь встречаются рефлексy разныx древних основ, образованных от данного корня: первичная: **stār(a)-* и вторичные суффиксальные: муж. рода **stār(a)-ka-* (наиболее продуктивная в иранских языках разных ареалов и генетических групп) и жен. рода **stār(a)-čī-* (относительно редкая).

Так, рефлексy **stāraka-* отмечены в крупных литературных языках, западой и восточной ветви, вымерших и живых:

согд. буд. *'st'rk*, *st'ry*, согд. *'st'r'k* 'звезда', хор. (')*st'r(y)k* 'звезда'; хс. *stāraa-*;

кл. перс. *sitāra* 'звезда', совр. перс. *setāre*, тадж. *sitora* 'звезда', ср. в живых иранских языках Памиро-Гиндукушского ареала (иногда со смещением значения): пшт. *stóray*

‘звезда; планета’ (< **stāraka-*), ср. производные: пшт. *stārġa*, *stārġa* ж.р. 1) ‘глаз, око’ (< диминутив **str_o-ka-* + *-ā*), 2) ‘звезда, планета’; пшт. *stārgāu* ‘родинка’, диалект вазири *stārġa* ‘глаз’; мдж. *storāu* ‘звезда’ (< **stāraka-*), йд. *stārē* ‘звезда’ (< **stāraka-*), но сгл. *ust(ə)rūk*, *əstəruk*, (III. Ю. *ustəruk*) ‘звезда’, ишк. *strūk* ‘звезда’ (< **str_o-ka-*). Сюда же относятся рефлексы **stāra-ka-* в части языков севернопамирской группы: барт., рош. *ġitōrġ*, сар. *ġi/yturġ*; язг. *ġ(ə)tarag* и зафиксированные варианты руш., хуф. *ġiturġ* ‘звезда’, о чем будет сказано ниже.

См. также рефлексы производного **stār(a)-čġ-* в некоторых живых языках ареала: орм. лог. *stežak* (< **sta(r)-čġ-* + **-aka*); пар. *estēč* ‘звезда’ (< **star-* + **-čġ*). То же в части языков севернопамирской группы, а именно в части шугнано-рушанской генетической подгруппы: шугн. *ġitēz*, варианты руш., хуф. *ġitēz* ‘звезда’.

Интерес представляют расхождения прототипов основ мужского и женского рода между близкородственными севернопамирскими языками: ср. шугн. *ġitēz*, руш., хуф. *ġitēz* ‘звезда’ — из имени жен. рода **stāra-čġ-*, но барт., рош. *ġitōrġ*, сар. *ġi/yturġ*; язг. *ġ(ə)tarag* и зафиксированные варианты руш., хуф. *ġiturġ* — из имени муж. рода **stāraka-*. Это свидетельствует о сравнительно недавнем сосуществовании в «малом» севернопамирском праязыке данных субстантивов, противопоставленных по роду. В современных живых языках этой группы названия неодушевленных предметов имеют другую семантическую классификацию, чему немало способствовало воздействие субстрата, «сбившего» остатки индоевропейской системы трех родов четырехсерийной системой строго семантических классов.

В отдельных языках Памиро-Гиндукушского ареала и соседних регионов отмечаются интересные отклонения от общих тенденций, связанные с воздействием «больших» престижных языков на миноритарные, с адаптацией заимствований и т. п. Например, ягн. *sitora* ‘звезда’ — результат возможной контаминации исконного слова с заимствованным тадж. *sitora*; вах. *s(ə)tor* ‘звезда’ — возник-

ло из рефлекса исконной основы **stār(a)*- (без вторичного суффикса) под воздействием заимствованного таджикского *sitora* [Ст.-К. ЭСВЯ: 324].

Обращают на себя внимание поздние семантические сдвиги в малых языках ареала, например в шугнанском языке точное значение *xitêrz* ж.р. — ‘падающая звезда; метеор’, а для обозначения именно звезды как светила используется заимствованное таджикское слово, ср. шугн. *sitorā* 1) астр. ‘звезда’; 2) украшение ‘звезда, звездочка’. Руш., хуф. *xitêrz*, язг. *ħ(ə)tarág* используются в обоих значениях: 1) ‘звезда’; 2) ‘падающая звезда, метеор’. Подробнее, с литературой см. [Эд. СГВЯ-Л: 68, 177; ЭСИЯ 7, картотека].

Другой иранский термин, употребляемый для обозначения ‘звезды’ — *axtar*, выступающий также в значениях ‘зодиакальное созвездие, знак зодиака и пр.’, — засвидетельствован главным образом в памятниках Средневековья: среднеперсидских, парфянских, а также в текстах на классическом персидском языке. В древнеиранских текстах в виде самостоятельного слова не зарегистрирован.

Ныне он употребителен в узком кругу иранских литературных языков: персидском, таджикском и дари, например совр. перс. *axtar* 1) ‘звезда, созвездие’; 2) ‘предзнаменование’; 3) книжн. ‘знамя’; тадж. *axtar* книжн. ‘звезда’; перен. ‘предзнаменование, предсказание’; 3) ‘судьба, счастье’; дари *axtar* 1) ‘звезда’; 2) ‘судьба; счастье’. В других языках (как правило, литературных) отмечается в виде заимствований из классического персидского языка или его современных потомков, иногда с существенными изменениями значения. В рассматриваемом ареале см., например, пшт. *axtár*, *axtár* 1) ‘праздник’; 2) ‘хорошее предзнаменование, хороший гороскоп; счастье’; 3) и.с. Ахтар.

Несмотря на неисконность этого слова в языках Памяро-Гиндукушского ареала, оно представляет интерес своей этимологией.

Слово *axtar*- происходит от древнеиранской основы **aktar*- ‘ночное светило’, продолжающей один из фонетических вариантов более древней единой праиранской

именной основы: **nakt-*, **naktar-* ‘ночь, ночью’; **aktar-* ‘ночное (светило)’. Праиранская основа восходит к индоевропейской, соответственно: праиран. **nakt-*, **naktar-* — к индоевропейской **nok^wt-*, **nok^wti-* (ж.р.), **nok^wt(e)r-* (ср.р.) ‘ночь’ (с полной огласовкой), а праиран. **aktar-* — к индоевропейской **ñk^wter-* (с нулевой огласовкой), через этап арийской **aktar-* (ср. др.-инд. *aktú-* ‘темный цвет, темнота, последняя часть ночи и т. п.’ — из и.-е. **ñk^wt-ú-*, где начало основы возводится к и.-е. **ñk^wt-* [Pok. IEW: 762–763; Mh. EWA I: 40; Mh. EWA II: 2–3]).

При этом надежные рефлексы индоевропейской основы с полной огласовкой в иранских языках единичны. В Авесте эта основа прослежена в производном слове ав.п. *ura-nahtar-* ‘сумеречный, близкий к ночи (о времени утренних и вечерних сумерек)’ [Bart. AiW: 391]. Из более поздних иранских языков достоверное продолжение полной основы отмечено только в ваханском — одном из миноритарных языков Памиро-Гиндукушского ареала. Здесь зафиксированы: вах. непроизводное *naÿd* ‘ночь, ночью’ (из др.-иран. **naÿd(a)-* < праиран. **nakt(a)-*), производные *naÿdin* ‘засветло, на рассвете’ (из более старого ***naÿdaina-* < **naktaina-*) и поздний композит *naÿdərwor* ‘сутки’ из *naÿd* ‘ночь’ + *rwor* ‘день’ (калька с таджикского *šabonarûz* ‘сутки’) [Ст.-К. ЭСВЯ: 242].

Таким образом, ваханский язык, один из миноритарных языков Памиро-Гиндукушского ареала, — единственный из живых иранских языков, сохранивший рефлекс данной индоевропейской основы с полной огласовкой **nok^wt-*, **nok^wti-* (ж.р.), **nok^wt(e)r-* (ср.р.) ‘ночь’ и представляющий этимологический аналог именам англ. *night*, нем. *Nacht*, рус. ночь и т. д. Подробнее [ЭСИЯ 5: 446 и сл.].

Таким образом, рассмотренные случаи своеобразия в истории названий небесных светил в языках Памиро-Гиндукушского ареала состоят в лексических заменах (названия Солнца), в необычных словообразовательных моделях (названия лунного света), семантических подвижках (названия звезды), а также в сохранении рефлекса глубо-

кого индоиранского архаизма (в ваханском слове ‘ночь’). Практически все эти лексические особенности являются результатом относительной замкнутости и труднодоступности ареала на протяжении длительного времени.

Литература

Ст-К. ЭСВЯ — Стеблин-Каменский И. М. *Этимологический словарь ваханского языка*. Санкт-Петербург, 1999.

Эд. СГВЯ-Л — Эдельман Д. И. *Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Лексика*. Москва, 2009.

Эд. СГВЯ-Ф — Эдельман Д. И. *Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Фонология*. Москва, 1986.

Эдельман 2021 — Эдельман Д. И. Ареальные и этнокультурные инновации в лексике иранских языков. *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*. Москва, 2021, 4: 234–250.

ЭСИЯ 1–3 — Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. *Этимологический словарь иранских языков*. Т. 1. Москва, 2000. Т. 2. Москва, 2003. Т. 3. Москва, 2007.

ЭСИЯ 4–6 — Эдельман Д. И. *Этимологический словарь иранских языков*. Т. 4 Москва, 2011. Т. 5. Москва, 2015. Т. 6. Москва, 2020.

Barth. AiW — Bartholomae Chr. *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg, 1904 (repr.: Berlin–New York, 1979).

Mh. EWA — Mayrhofer M. *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*. Heidelberg, 1986–2001.

Morg. IIFL II — Morgenstierne G. *Indo-Iranian Frontier Languages*. Vol. II. Iranian Pamir languages: Yidgha-Munji, Sang-lechi-Ishkashmi and Wakhi. Oslo, 1938.

Pok. IEW — Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern, 1959.

References

Bartholomae Chr. *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg, 1904 (repr.: Berlin–New York, 1979).

Edel'man D. I. *Sravnitel'naya grammatika vostochnoiranskikh yazykov. Fonologiya* [Comparative grammar of East Iranian languages. Phonology]. Moskva, 1986. (In Russ.)

Edel'man D. I. *Sravnitel'naya grammatika vostochnoiranskikh yazykov. Leksika*. [Comparative grammar of the exact Iranian languages. Lexicology]. Moskva, 2009. (In Russ.)

Edel'man D. I. Areal'nye i etnokul'turnye innovatsii v leksike iranskikh yazykov [Areal and ethno-cultural innovations in the vocabulary of Iranian languages]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*. Proceedings of the Institute of the Russian Language. V. V. Vinogradova. Moskva, 2021, 4: 234–250. (In Russ.)

Rastorgueva V. S., Edel'man D. I. *Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov* [Etymological Dictionary of the Iranian Languages]. V. 1. Moskva, 2000. V. 2. Moskva, 2003. V. 3. Moskva, 2007. (In Russ.)

Edel'man D. I. *Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov* [Etymological Dictionary of the Iranian Languages]. V. 4. Moskva, 2011. V. 5. Moskva, 2015. V. 6. Moskva, 2020. (In Russ.)

Mayrhofer M. *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*. Heidelberg, 1986–2001.

Morgenstierne G. *Indo-Iranian Frontier Languages*. Vol. II. Iranian Pamir languages: Yidgha-Munji, Sanglechi-Ishkashmi and Wakhi. Oslo, 1938.

Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern, 1959.

Steblyn-Kamensky I. M. *Etimologicheskii slovar' vakhanskogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Wakhi Language]. Sankt-Peterburg, 1999. (In Russ.)